

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД «СЛОВАРЕМ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА»

А. А. КОСТИН

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ Я. П. КОЗЕЛЬСКОГО*

История изучения творчества Якова Павловича Козельского (1728 — после 1793) — чрезвычайно показательный пример неуспешной попытки создания «раздутой» репутации писателя за счет интерпретации его сочинений в угоду доминирующей в исследовательской среде идеологии. Интерес к его творчеству впервые привлек в 1906 г. бывший секретарь редакции социалистической газеты «Оренбургский листок» П. Н. Столпянский, в то время находившийся в тюрьме; в посвященной Козельскому статье особенно подчеркивались злободневные на тот момент взгляды писателя позапрошлого столетия — пацифистские воззрения и требование ввести восьмичасовой рабочий день.¹ Впоследствии на Козельского как на предтечу А. Н. Радищева обратил внимание Г. А. Гуковский, поскольку находил, что тот в своих книгах «агитирует против самовластия <...> сочувствует республике и демократии <...> и самое главное: он недвусмысленно высказывается против всякого соци-

---

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Секции языка и литературы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики» (направление «Литература и фольклор в контексте социальной динамики, кросскультурных и междисциплинарных взаимодействий», проект «Подготовка справочного тома «Словаря русских писателей XVIII века»).

¹ *Столпянский П. Н.* Один из незаметных деятелей Екатерининской эпохи. Я. П. Козельский (историко-литературный материал) // Русская старина. 1906. № 12. С. 567–584.

ального неравенства»,² и до конца 1950-х гг. Козельский стал одной из привлекавших наибольшее внимание фигур русского просвещения.³ Его труды были опубликованы в определяющей до сих пор исследовании по истории русской философии этого периода хрестоматии «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века» (М., 1952). Между тем после установления С. В. Папаригопуло того факта, что Я. П. Козельский — депутат Комиссии нового уложения, высказывавшийся против крепостного права, и Я. П. Козельский — автор многочисленных переводов и компиляций 1760-х гг. — были двумя разными лицами,⁴ интерес к наследию последнего начал заметно ослабевать. С конца 1960-х⁵ до середины 1990-х гг. не известны работы, специально посвященные его творчеству; появившиеся впоследствии диссертации во многом повторяют положения советских исследователей.⁶ В настоящее время творчество Козельского является объектом внимания почти исключительно историков философии⁷ и почти не привлекает внимания литературоведов; показательно, что единственный его собственнo литературный труд — перевод трагедии Т. Отвея «Возмущение против Венеции» — не упомянут в наиболее полной истории переводной русской драматургии XVIII века.⁸

---

² *Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938. С. 32–57 (цитата — С. 36).

³ Обзор актуальной на тот момент литературы см.: *Коган Ю. Я.* Просветитель XVIII века Я. П. Козельский. М., 1958. С. 33.

⁴ *Папаригопуло С. В.* О двух Козельских // Вопросы истории. 1954. № 8. С. 109–112.

⁵ *Липский Е. И., Парамонов Ю. И.* Социально-утопические взгляды русского просветителя XVIII века Я. П. Козельского // Некоторые вопросы марксистско-ленинской философии. 1969. Вып. 2. С. 138–148.

⁶ *Качарова В. Б.* Яков Павлович Козельский как представитель энциклопедизма в России во второй половине XVIII века: Дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1998; *Глоба Т. А.* Философская мысль в России во II половине XVIII века: Г. С. Сковорода и Я. П. Козельский: Дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2009.

⁷ В одной из новейших работ Козельский рассматривается как «один из известнейших и авторитетнейших представителей украинской просветительской философии конца XVIII века» (*Заремський М. Й.* Гносеологія Я. П. Козельського у контексті західноєвропейської філософської думки XVIII ст. // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Філософія. Політологія. 2006. № 81–83. С. 28–31).

⁸ История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век / Отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб., 1996. Т. 2. Драматургия. Поэзия.

Между тем один из плодовитейших переводчиков первых лет царствования Екатерины II, издавший за период с 1764 по 1770 г. 11 книг (две из них — в двух томах) может стать предметом более пристального внимания со стороны литературоведов если не благодаря художественной стороне своего творчества, то как образец авторской стратегии, заставлявшей человека, обремененного служебными обязанностями, создавать себе имя в литературной среде. Представляется важным, например, что Козельский неизменно предпосылал своим книгам посвящения, используя зачастую не слишком распространенные формы — как, например, посвящение разных томов издания разным лицам — и выходя в текстах посвящений за рамки формальных похвал и благодарностей благодетелям.⁹ Вместе с тем после перехода в 1771 г. на службу членом Малороссийской коллегии под началом П. А. Румянцева он прекратил литературную деятельность, возобновив ее лишь в 1788 г. Изучение подобных авторских стратегий требует подробного знакомства с биографией писателя; между тем до сих пор непроясненными остаются обстоятельства службы Козельского в 1757–1764 гг. — период, когда им были созданы его первые учебники,¹⁰ а также, пожалуй, наиболее загадочный факт его писательской биографии — прекращение издательской активности в период с 1771 по 1788 г. Этим двум эпизодам и посвящена настоящая публикация.

---

⁹ См.: *Кочеткова Н. Д.* 1) Литературные посвящения в русских изданиях XVIII — начала XIX века // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 78; 2) Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века. Статья вторая. Посвящения государю // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 30–31, 38; 3) Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века. (Посвящения екатерининским вельможам) // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 102–103.

¹⁰ Хотя считается, что Козельский «22 мая 1757 уволился из Академии [наук] для поступления в Преображенский полк; с 1758 состоял при петербургском коменданте генерале И. И. Косагове» (*Степанов В. П.* Козельский Яков Павлович // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 1999. Вып. 2. К–П. С. 91) и лишь с 1763 г. стал учителем в Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе, в действительности он начал преподавание в объединенной артиллерийской и инженерной школе в 1758 г. (*Бенда В. Н.* К вопросу о деятельности объединенной артиллерийской и инженерной школы в конце 50 — начале 60-х годов XVIII века // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена.* 2009. № 92. С. 16–22), а зачислен был в инженерный корпус в 1757 г. (*ВИМАИВиВС.* Ф. 2. Оп. ШГФ. № 981. Л. 295–299).

* * *

В одном из писем к И. И. Шувалову А. П. Сумароков писал: «Писатели стихов русских привязаны или к академии, или к университету».¹¹ Не вполне верное исторически, это представление об Академии наук и Московском университете как учреждениях, обусловивших развитие русской литературы XVIII в., отразилось на изучении истории литературы этого периода в целом, и в частности — на такой его специфической области, как биографика. Прекрасно сохранившийся архив Академии наук давал (и продолжает давать) обширнейший материал для исследований в этой области, отчего составленная на его основе биография писателя может казаться завершенной и не требующей привлечения сведений из других архивов, что вряд ли может быть оправдано в случаях, когда Академия наук была лишь одним из учреждений, в которых служил писатель. Случай с Козельским может служить здесь показательным примером.

В лучшей биографической статье о Козельском сообщается: «22 мая 1757 (после семи лет обучения в академических гимназии и университете. — *А. К.*) [Козельский] уволился из Академии [наук] для поступления в Преображенский полк; с 1758 состоял при петербургском коменданте генерале И. И. Косагове, занимаясь, видимо, инженерными делами, т. к. его офицерское производство началось с чина инженер-прапорщика. С 1763 — преподаватель класса механики Арт<иллерийского> и инж<енерного> корпуса».¹² Как можно заметить, странность этих сведений (основанием для них послужило, с одной стороны, делопроизводство Академии наук, а с другой — позднейший послужной список) была замечена В. П. Степановым, посчитавшим необходимым сделать предположение о характере службы офицера Преображенского полка, в распоряжении городского коменданта проходившего военное производство инженерными чинами. Ясность в совмещение столь странных фактов позволяют внести документы ведомства, отвечавшего за про-

---

¹¹ *Сумароков А. П.* [Письма] // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 83.

¹² *Степанов В. П.* Козельский Яков Павлович. С. 91.

изводство военных инженеров — Канцелярии главной артиллерии и фортификации.

Как показывают эти документы, и помощь И. И. Косагову, и увольнение из Академии наук, документально мотивированное желанием поступить в Преображенский полк, были лишь случайными эпизодами в размеренно последовательной биографии Козельского. Дело в том, что уже по меньшей мере с 1758 г. — времени образования Объединенной артиллерийской и инженерной дворянской школы — Козельский был учителем в ее штате; преобразование этой школы в Артиллерийский и инженерный кадетский корпус в конце 1762 г. ничего не изменило в служебных обязанностях Козельского: он так же оставался здесь учителем.¹³ Между тем есть все основания полагать, что учителем петербургской Инженерной школы Козельский стал еще в 1757 г., до слияния ее с Артиллерийской школой.

Студент Академического университета с марта 1752 г., спустя пять лет Козельский решил воспользоваться предоставлявшейся Регламентом Академии наук 1747 г. возможностью поступить в действительную армейскую службу с обер-офицерским чином.¹⁴ В прошении, поданном 10 марта 1757 г. в Канцелярию главной артиллерии и фортификации, говорилось, что Козельский «пять лет как находится при Академии наук в студентах и обучился там арифметике, геометрии, тригонометрии, географии, фортификации, физике, латинскому, немецкому и французскому языкам, упражнялся в переводах и в чтении, гистории и в математике, решил новую задачу и подал в собрание профессорское», на основании чего он просил принять его в службу при артиллерийском или инженерном корпусе, поскольку «в 42м пункте академического регламента написано, что

---

¹³ Бенда В. Н. 1) К вопросу о деятельности объединенной артиллерийской и инженерной школы в конце 50 — начале 60-х годов XVIII века // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 92. С. 16–22; 2) Причины учреждения, создание и начало деятельности Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса (АИШКК) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6. Ч. 1. С. 34–40.

¹⁴ «А ежели обучатся такие свободные люди высоких наук, о таких делать представление в надлежащих местах, дабы они определены были в штатские чины по достоинствам их, и давать им ранги обер-офицеров армейских» (§ 42 Регламента, цит. по: Уставы Российской академии наук. 1724–2009. М., 2009. С. 68).

ежели кто обучится высоких наук, то таких производить в чины обер-офицеров армейских», для чего просил устроить ему экзамен с назначением себе по его результатам соответствующего чина.¹⁵ Рассмотрение этого прошения настолько затянулось, что спустя полтора месяца, 22 мая, Козельский, обратившийся с подобной просьбой по-видимому в несколько «команд», ходатайствовал перед Академией наук об увольнении для зачисления в Преображенский полк — которое, впрочем, так и не состоялось: к концу мая возникшие в руководстве артиллерийского ведомства разногласия относительно дела Козельского были благополучно разрешены в его пользу, и он начал свою многолетнюю службу учителя в менявших свой статус артиллерийских школах. История этих разногласий достаточно показательна с точки зрения различных взглядов на образование дворянских юношей в конце 1750-х гг.

Уже через несколько дней после подачи прошения в артиллерийское ведомство Козельский был — в соответствии с его желанием — экзаменован комиссией из инженер-полковников Демарина и Н. А. Муравьева (отца поэта М. Н. Муравьева) и капитана М. И. Мордвинова (руководителя Инженерной школы) и аттестован как «явился в арифметике, геометрии и ея принадлежности, также и фортификации и географии хорошее знание имеет».¹⁶ Результаты экзамена были переданы 18 марта возглавлявшему инженерные войска А. П. Ганнибалу (деду А. С. Пушкина), который после личной встречи с Козельским не согласился с оценкой, данной подчиненными, и 10 апреля сообщил свое мнение генерал-фельдцейхмейстеру (руководителю артиллерийских и инженерных войск) П. И. Шувалову. Недовольство А. П. Ганнибала вызвало то, что, по его мнению, общая научная подготовка, полученная Козельским, не соответствовала практическим требованиям, предъявлявшимся к учителям артиллерийского корпуса: «хотя в вышеозначенных науках он понятие имеет, но чтоб столько знал, как инженерному офицеру (в который чин ... аттестуется) знать надлежит, того не токмо нашлось, но и кондукторы, состоящие во инженерном корпусе во всех тех частях, знают его весьма тверже, да и сам он Козель-

¹⁵ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. № 981. Л. 295.

¹⁶ Там же. Л. 295 об.

ский при экземементе объявил, что его упражнение всех тех наук происходило токмо из одного чтения книг, а собою чтоб по тем наилучше последовать, тому еще обучаться разве должен, о фортификации ж только Вобанов манер, описанный чрез Вольфа, да штурмовой книги часть¹⁷ читал, а как для лучшей твердости и не черчивал, в кондукторы ж из учеников дворяна производятся, обуча таковые ж части с твердостью, и при том фортификации манеров по крайней мере до семи, из регулянтной фортификации тож, атаки и обороне (sic!) крепостей прочерчивают и затверживают принадлежность столь твердо, чтоб без всякой трудности все то обученное в настоящем деле употребить были в состоянии».¹⁸ На основании этого Ганнибал предлагал присвоить Козельскому унтер-офицерский чин кондуктора и определить для завершения обучения в Инженерную школу.

Получив мнение Ганнибала, П. И. Шувалов распорядился, чтобы Демарин, Муравьев и Мордвинов представили разъяснения. Они были даны ими 2 мая с приложением письменных ответов Козельского на геометрические задачи.¹⁹ В ответных пунктах сообщалось:

1. Хотя господин генерал-инженер и кавалер репортом представляет, что помянутый студент Козельский имеет только понятие в тех науках, но при свидетельстве <...> решил оный Козельский самые труднейшие арифметические задачи, из чего они заключить не могли, что он имеет одно только понятие;

2. В геометрии также были предлагаемы ему задачи трудные, так то ректификации, квадратуры и кубации кривых линий, которые оным Козельским решены <...>. И так по справедливости <...> заключить было не можно, чтоб он имел одно только понятие о геометрии, также и сего, чтоб инженерные кондукторы знали больше оного студента геометрии, ибо в школах инженерных о свойствах кривых

¹⁷ Имеется в виду вторая часть переведенных и изданных впоследствии Козельским «Начальных оснований фортификации, сочиненных г. профессором бароном Вольфом» (СПб., 1765), излагающая правила фортификации по системе С. Вобана, и, по-видимому, перевод его труда, выполненный И. С. Ремезовым (Книга о атаке и обороне крепостей, изданная чрез господина де Вобана. СПб., 1744).

¹⁸ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. № 981. Л. 295 об.–296.

¹⁹ Там же. Л. 300–311. Козельским были решены следующие задачи: «квадратура параболы», «ректификация параболы», «кубация коноида параболического», «квадратура циклоида», «ректификация циклоида», «кубация сферы», «квадратура гиперболы», «ректификация гиперболы», «кубация коноида гиперболического, происшедшего из обращения гиперболы около своей оси».

линий не изыясняют, а ректификация, квадратура и кубация, — оны помощью дифференциальных и интегральных калкулей делаются, которых кондукторам знать не можно, ибо оных и в школах инженерных не учат;

3. О фортификации ж спрашивали у него главные правила, касающиеся до атаки и укрепления, на которые вопросы он надлежаще ответствовал; что ж <...> господин генерал-инженер и кавалер представляет, что кондукторы прочерчивают и затверживают по семи манеров <...> можно знать весьма хорошо инженерной науки, прочертя и немногие манеры, ибо манер есть самое легкое дело по таблицам начертить, и можно, прочертя и затвердя не токмо семь манеров, но хотя двенадцать, о фортификации иметь весьма малое понятие.²⁰

Таким образом, следует заключить, что суть разногласий была в том, что сам бывший учителем кондукторов в Пернове А. П. Ганибал полагал, что определяющим для учителя инженерной школы должно быть равно высокое владение всеми навыками, преподающимися в школе, в то время как для П. И. Шувалова, М. И. Мордвинова и других офицеров, затевавших реформу артиллерийского и инженерного образования (по замыслу Шувалова, объединенный Артиллерийский и инженерный кадетский корпус должен был стать полноценным аналогом Сухопутного шляхетного), важнее было получить высококвалифицированного учителя-предметника. Как следствие 27 мая, по рассмотрении представленных бумаг, соответствующие промемории были направлены Шуваловым лично Ганибалу и в Канцелярию главной артиллерии и фортификации,²¹ и Козельский был зачислен в инженерную школу учителем геометрии и алгебры с присвоением (считая с 16 мая 1757 г.) чина инженер-прапорщика.²² Оставаясь в этой должности, совмещая преподавание с переводческой деятельностью, Козельский дослужился до чина артиллерии капитана, и в результате «по предложению» генерал-фельдцейхмейстера Г. Г. Орлова в марте 1766 г. был переведен из военной в штатскую службу в 3-й департамент Сената, где продолжал заниматься переводами, пока в 1770 г. «по предложению» П. А. Румянцева не был переведен в Глухов членом Малороссийской коллегии.

²⁰ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. № 981. Л. 299–299 об.

²¹ Там же. Л. 299а об.

²² Там же. № 1221. Л. 249 об.–250. Уже к концу 1758 г. Козельскому было поручено в объединенной Артиллерийской и инженерной школе преподавать также механику (Там же. № 1220, 1221).

* * *

Уже первому внимательному исследователю трудов Козельского П. Н. Столпянскому тот факт, что в публикациях сочинений Козельского имеется существенный перерыв (между 1771 и 1788 гг.), показался настолько неожиданным, что объяснить его он смог лишь предполагаемой смертью Козельского в 1768 г. и последующей публикацией его трудов друзьями и родственниками.²³ Между тем сейчас хорошо известно, что в 1770 г. Козельский завершил службу в Сенате и был переведен членом Малороссийской коллегии в Глухов под начало П. А. Румянцева; в 1778 г. вышел в отставку; в 1782 г. пользовался книгами из библиотеки Румянцева; в 1788 г., вернувшись на службу в Петербург, издал последнюю свою книгу «Рассуждение двух индийцев, Калана и Ибрагима, о человеческом познании» (в том же году ее контрафактно издал Н. М. Максимович-Амбодик) и только в 1793 г. ушел в окончательную отставку, после чего его следы теряются. Несмотря на множество свидетельств, документирующих эти 23 года жизни писателя, сведений, объясняющих неожиданную творческую лагуну, до сих пор обнаружить не удалось.

Найденный при подготовке дополнений к «Словарю русских писателей XVIII века» документ — копия письма Козельского к П. А. Румянцеву при отъезде из Петербурга, и особенно — ответ Румянцева,²⁴ как кажется, позволяют отчасти пролить свет на эту загадку. Отъезжая из Петербурга в Глухов в начале 1771 г., Козельский написал Румянцеву письмо, где поздравлял своего нового на-

---

²³ *Столпянский П. Н.* Один из незаметных деятелей Екатерининской эпохи. Я. П. Козельский (историко-литературный материал).

²⁴ Архив СПбИИ. Ф. 115. Оп. 1. № 618. Л. 90–90 об., 82 об. В том же рукописном сборнике переписки П. А. Румянцева, списанном для Корнилия Прокоповича (служашего канцелярии киевского генерал-губернатора во 2-й половине 1770-х гг.), имеется копия письма Румянцеву В. П. Петрова (л. 90), сопровождавшего отправление «Поэмы на победы российского воинства...» (СПб., 1771). Сборник сходного состава, но меньший по объему и с более искаженным текстом писем (РГИА. Ф. 971. Оп. 1. № 165; указанные письма — л. 23 об., 59 об.–60 об.) был использован А. В. Бекасовой (*Бекасова А.* Отцы, сыновья и публика в России второй половины XVIII века // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. С. 99–129); письмо Петрова в нем ошибочно атрибутировано М. М. Хераскову.

чальника с Новым годом, и далее сообщал: «Всеобщий обычай всех трудящихся в своих делах людей — чтоб приносить своим благодетелям плоды трудов своих — подает мне средства представить Вашему сиятельству плоды моих трудов, то есть двенадцать книг, как „Историю славных государей“, „Механику“, „Государя и министра“, трагедию, „Фортификацию“, „Сочинение об осаде крепостей“, „Арихметику“, „Истории шведской“ два тома, датской два тома, „Философию“. Ежели я столько счастлив буду, что сие мое приношение как истинного моего Вашему графскому сиятельству горячего усердия и высокопочитания знак милостивого Вашего принятия удостоится, то такой от великодушия Вашего ожидаемый важный и благополучный для меня случай подаст мне новую причину прославлять редкие Вашего сиятельства качества и добродетели». ²⁵

Как показывает описанный Ю. М. Лотманом в связи с Козельским рукописный каталог библиотеки Румянцева, ²⁶ большинство отправленных книг были сохранены адресатом письма; ответное письмо Румянцева позволяет судить, что они были приняты благосклонно, однако от предложения Козельского печатно прославлять славу своего нового патрона он, очевидно, оказался: «Приятнейшее письмо Ваше я тем с большим удовольствием честь имел получить, что, изъявляющее похвальные чувства Вашего сердца к малым моим услугам признание много превышает оные. Не могу изобразить, сколь много утешения приносит мне случай, послуживший приобретению не только достойного себе соправителя, но и к пользе граждан толь удаленного края искусного человека в словесных и свободных науках, весьма мало тамо еще ведомых, плоды коих, от Вас ко мне препровожденные, столько ж суть их уверенем, коль и прямым обязательством всегдашней Вам благодарности почитающего Ваши достоинства и пребывающего с истинным к Вам доброжелательством [Петра Румянцева]».

Эти два письма отчетливо показывают, что в Малороссию Козельский уезжал писателем и не намерен был бросать в Глухове

---

²⁵ Любопытный читатель без труда соотнесет краткие указания на книги, данные здесь Козельским, с их подробными описаниями, данными в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века».

²⁶ Лотман Ю. М. К биографии Я. П. Козельского // Вопросы философии. 1959. № 8. С. 97–99.

свои литературные занятия, и позволяют предположить, что основной причиной отказа от их продолжения стало отношение к подобным трудам П. А. Румянцева. Проявилось ли в этом отношении Румянцева только к панегирическому жанру посвящения или к возможности литературной деятельности чиновника (известно, что своих гражданских подчиненных он заставлял работать зачастую по двенадцать часов в сутки — при такой загруженности административной работой времени на творчество могло просто не хватать), — остается лишь догадываться, как гадать приходится и о том, какие книги могли быть написаны Козельским в Глухове и какой вклад его литературная работа могла бы внести в малороссийскую культуру 1770-х гг.